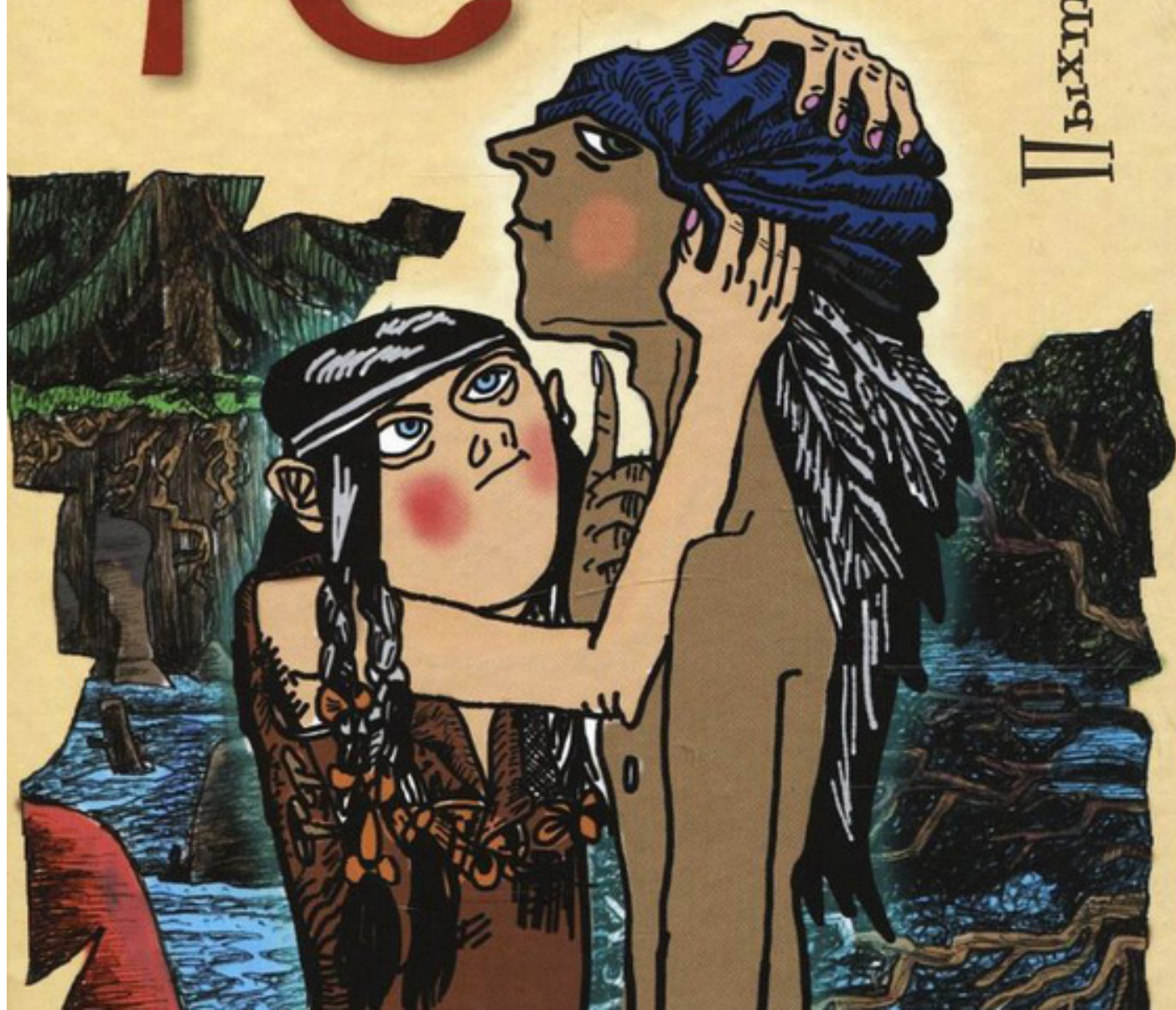

Александр ПРОЗОРОВ

БЫЛЬ КАМЕННОГО ВЕКА

Духи РЕКИ

Удивительные
приключения
Шырма и Снежаны

Быль каменного века

Александр Прозоров

Духи реки

«Автор»

2011

Прозоров А. Д.

Духи реки / А. Д. Прозоров — «Автор», 2011 — (Быль
каменного века)

«Быль каменного века» рассказывает о приключениях двух подростков из племени Мудрого Бобра, которых однажды, сто тысяч лет назад, унесло течением от родного поселка на далекие дикие берега огромного озера, ныне называемого Ладожским. Чтобы вернуться домой живыми, сытыми и невредимыми, Пыхтуну и Снежане предстоит немало постараться и пережить множество испытаний. Книга также выходила под названием «Лесные духи».

© Прозоров А. Д., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Повесть первая	5
Пыхтун	5
Сокровище	18
Дом	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Александр Прозоров

Духи реки

Повесть первая

Пыхтун

Это случилось летом. Случилось в чудесный жаркий летний день на берегу прекрасной реки Свирь.

Впрочем, в те далекие, незапамятные времена, когда все это произошло, Свирь еще не носила своего привычного русского имени. Племя Мудрого Бобра, что жило на этих берегах, называло ее просто Большая Река – по той причине, что не ведало иных столь широких и полноводных рек. Озеро, из которого Большая Река вытекала, люди племени звали Водами Рассвета, а то, в которое впадала – Водами Заката. Эти бескрайние озера казались им пределами обитаемого мира. Люди племени Мудрого Бобра даже думали, что все живое – подобно Солнцу и Большой Реке – приходит в мир из-за Вод Рассвета, где пребывает до рождения, дабы потом уйти за Воды Заката, куда уходит все, что провело на земле отведенный судьбою срок.

Этого знания людям племени вполне хватало для понимания сути и смысла существования, а потому прочими мелочами они уже не заморачивались и не вели никакого счета ни дням, ни неделям, ни месяцам, ни даже годам, что текли в их мире, а потому ныне совершенно невозможно точно определить дату, когда началась эта история. Может быть – девяносто тысяч лет назад. Может быть – всего семьдесят. А может даже – целых сто тысяч лет назад. Но совершенно точно – это случилось летом, в жаркий солнечный день, когда дети, скинув незамысловатую одежду, с громкими криками и визгами плескались в воде, вздымая тучи искрящихся брызг.

Поначалу день тянулся обыденно и привычно. На краю широкого песчаного пляжа молодые женщины Серая Лань и Звонкая Иволга выполаскивали проквашенные для мягкости шкуры, заодно приглядывая за малышней. На взгорке, у края деревни, возле священной ивы, сидел на валуне одетый в замшевые штаны с подшитыми к ним сапожками, в оленью безрукавку и накидку из лосиной шкуры плечистый Хромой Зубр, который на время отложил свои инструменты и не без зависти наблюдал за весельем в прохладной реке. Пожалуй, он и сам не прочь был забраться в воду, хоть ненадолго спрятаться от полуденного зноя – но сегодня он оставался в стойбище единственным мужчиной и не мог покинуть своего поста. Мало ли появится поблизости крупный зверь или волчья стая? Пускай отогнать угрозу пожилой мужчина и не способен – но зато сможет вовремя поднять тревогу, и женщины с детьми успеют скрыться в жилищах или уйти от опасности на отмель.

Темная тень, мелькнувшая в воде, заставила Хромого Зубра привстать – а вдруг из глубины поднялся Хозяин Вод? Сомы, получившие в племени такое уважительное прозвище, нередко вырастали размером вдвое больше взрослого воина и вполне могли утащить маленького ребенка. Только зазевайся – и даже вскрика бедолаги не услышишь!

Но нет – видение появилось и исчезло. Старый мастер углядел лишь, как на воде закачалась, высоко вздыбив мокрые ветки, могучая липа, плывущая со стороны Вод Рассвета. Похоже, ее обширная крона уходила довольно глубоко и цеплялась за дно, не давая дереву разогнаться по течению. Двигаясь рывками, оно добралось до какой-то ямы, проплыло три десятка шагов и снова застряло, дергаясь, словно в мучительных судорогах.

– Вернутся завтра охотники, – сдернув с головы ремешок, пригладил длинные, с проседью, волосы Хромой Зубр, – обязательно искупаюсь. Или сегодня мальчишек ненадолго на страже оставить?

От дальней опушки как раз шли двое ребят, тяжело нагруженных охапками хвороста. Старый мастер, даже не глядя в их сторону, отлично знал, кто это. Тот, что моложе, с большими, вечно красными ушами, с ожерельем из птичьих перьев и в тунике из оленьей кожи – Клест, сын охотника из большой хижины Быстрого Оленя и круглолицей красавицы Звонкой Иволги. Он родился всего десять зим назад, но уже сейчас мало уступал силой иному взрослому. Второй носил тунiku из волчьей шкуры, но это мало помогало мальчишке. Совсем маленьким ребенок Ломаного Клыка и Чистой Капли получил прозвище Пыхтун – за привычку забавно и громко отдуваться во сне. Рос он слабым, с тонкими руками и узким лицом – совсем не удивительно при таком жалком имени. К счастью для бедолаги, мучиться со старым именем ему оставалось совсем недолго. Он стал почти взрослым, пережив уже двенадцатую зиму, и будущей осенью должен был пройти посвящение в мужчины.

– Может, хотя бы новое имя принесет ему удачу? – вслух подумал Хромой Зубр, наблюдая, как мальчишки сбрасывают свой груз площадке возле общего очага. Несмотря на разницу в возрасте, оба принесли одинаковые охапки. – Трудно будет такому слабаку среди охотников. Столкнется на дальней тропе с клыкастым Большим Котом или медведем – тут его век и закончится. Даже ожерелья, мыслю, собрать не успеет.

По обычаю племени, только сильный и смелый охотник, собравший ожерелье из зубов волка, медведя или иного сильного зверя, имел право построить собственный дом, выбрать и привести туда жену. Далеко не всем мужчинам удавалось исполнить в своей жизни это требование.

– Дядя Зубр, дядя Зубр! – избавившись от ноши, кинулись к старому мастеру мальчишки. – Дядя Зубр, можно мы искупаемся?!

Старый мастер поднялся, оперся на копьё с тяжелым каменным наконечником, глянул на припасы возле очага. Летом в хижинах было тепло, а потому племя Мудрого Бобра готовило пищу на общем огне. И для него требовалось много дров, сухих и жарких.

– Вы слишком мало принесли, – покачал головой Хромой Зубр. – Этого не хватит даже на вечер.

– Мы принесем еще, дядя! – клятвенно ударил себя кулаком в грудь красноухий Клест.

– Мы только чуток обмакнемся, дядя Зубр, – взмолился Пыхтун. – Совсем чуть-чуть!

И сразу побежим за новыми дровами.

– Очень жарко, дядя!

– Жарко!

– Бездельники, – укоризненно покачал головой старый мастер. – Что с вами сделаете? Ладно... Но только недолго! И потом сразу в лес, за хворостом!

Издав радостный вопль, мальчишки побросали свои короткие дротики с костяными наконечниками прямо к его ногам и, на ходу стаскивая туники, помчались вниз по склону. Там, на реке, липа уже добралась почти до самого пляжа и большинство детей, переплыв к ней, со смехом лазали среди веток, то падая в воду, то забираясь снова на дерево, повыше, чтобы нырнуть с толстого сука.

Хромой Зубр улыбнулся, глядя на их веселье. Хотелось бы и ему точно так же покувыркаться в общей кутерьме. Увы, не с его кривой ступней, невесть когда раздавленной между камнями, плавать через реку и лазать по скользким веткам. А дети пусть...

– Что это? – Старый охотник прикрыл глаза ладонью. Выше по течению, медленно извиваясь, под самой поверхностью двигалась черная широкая тень. Неужели Хозяин Вод? Похоже, длинные ветви липы разворошили какой-то омут и разозлили огромную рыбину.

– Проклятье, и вправду он! – охнул Зубр. – Точно он. Хозяин Вод! – закричал охотник уже в голос, указывая копьём в сторону опасности. – Хозяин Вод!!! Берегитесь! Скорее на берег!

– Сюда! Скорее! – услышав его предупреждение, замахали руками женщины. – На берег! Хозяин Вод вышел на охоту!

Малышня с радостным визгом – словно не спасалась от опасности, а услышала о новой игре, – посыпалась в воду, поплыла к пляжу. Липа качнулась, чуть подвсплыла, провернулась вокруг ствола, откатываясь к стремнине, и поползла вниз по течению.

Хромой Зубр облегченно перевел дыхание... и вдруг увидел, как среди черных мокрых ветвей мелькнула детская рука. Дерево повернулось еще чуть-чуть, и вслед за рукой стало видно лицо ребенка.

– Помо... – попытался крикнуть несчастный, но на полуслове через рот прокатилась волна. Малыш не захлебнулся, начал отфыркиваться, но кричать уже не пытался.

К счастью, его услышали. Оба мальчишки, задержавшиеся было на пляже после предупреждения, кинулись вперед. И тут Звонкая Иволга вдруг метнулась наперерез и схватила своего сына поперек живота, едва не сбив Клеста с ног.

– Стой! Там опасно!

– Вот дурная! – сплюнул на взгорке Хромой Зубр. – Нечто не понимает, что Хозяин Вод такому большому ребенку не страшен?

К счастью, хотя бы Пыхтуну никто не мешал – мальчишка стремительно преодолел водное пространство, отделяющее пляж от липы, ухватился за ближние ветки. Дерево закрутилось, окуная малыша в реку.

– Отпусти!!! – закричал старый мастер.

Но Пыхтун и сам сообразил, что делать. Он не просто бросил ветку, но даже подтолкнул вверх сучок, оказавшийся поблизости. Дерево повернулось в другую сторону, вытягивая ребенка наверх, и теперь Хромой Зубр узнал малышку. Это была Снежана, семь зим назад родившаяся у Белой Лисы и Храброго Рыка как раз в день, когда выпал первый снег. Девочка с густыми русыми кудрями и большущими темными ресницами, словно крашенными черникой. Теперь она, широко открыв рот, изо всех сил пыталась отдышаться. Пыхтун же проплыл вокруг кроны и схватился за ветки с другой стороны, мешая липе повернуться назад. Дерево, оказавшись почти на самой середине реки, все быстрее и быстрее уносилось вниз по течению.

– Назад! Сюда! Возвращайтесь! – закричали с пляжа обеспокоенные женщины, а дети побежали по берегу. Но что это могло изменить? У стойбища сейчас не было ни одной лодки – охотники ушли на них в облаву по Лосиной реке. Большая часть женщин и старшие дети собирали в Клюквенной долине молодую лозу...

Впрочем, хотя Хромой Зубр и беспокоился за уплывающих малышей, особого страха он не испытывал. Никто из них под ударами ветвей не утонул, плавали все дети племени Бобра отменно. Хозяин Вод, показавшись совсем ненадолго, пропал из виду. Пыхтуну и девочке нужно всего лишь добраться от дерева к берегу и вернуться в селение. Непонятно только, почему Снежана упрямо вцепилась в липу и не хочет ее отпускать. Испугалась, что ли? Но Пыхтун ее успокоит. Он ведь уже совсем взрослый, ему почти полных двенадцать лет.

* * *

Пыхтун, с нетерпением ожидавший осени – времени своего посвящения в охотники, – постоянно помнил, что стал уже совсем взрослым мужчиной. И потому на берегу не колебался ни мгновения. Мужчина всегда должен защищать детей и женщин – о чем тут думать, коли кто-то зовет на помощь? Паренек кинулся в воду сразу, как только увидел руку среди веток, даже еще до того, как услышал крик Снежаны. В несколько гребков он добрался до дерева

и схватился за ближний сук – чем принес больше вреда, чем пользы. Но тут же поправил положение, позволив девочке сделать большой глоток воздуха, а потом заплыл с другой стороны, потянул крону к себе и поднял голову малышки уже довольно высоко над водой. Подождал, пока Снежана отдышалась, спросил:

– Ты чего к берегу не плывешь?

– Ногу что-то держит, Пыхтун. Очень больно, – всхлипнула она. – Так больно... Шевельнуть даже не получается. Наверно, она сломалась!

– Так посмотри! Тебе ее видно?

– Нет... Она где-то там... – Девочка показала пальцем по другую сторону ствола.

– Подожди, я сам попробую глянуть...

Пыхтун отпустил ветки, собираясь проплыть дальше, но крона качнулась, утаскивая Снежану под воду, и он опять торопливо вцепился в дерево. Оглянулся на стойбище – оно уже скрывалось за излучиной Большой Реки. Течение здесь было очень сильным и несло дерево быстрее, чем ходит по ровной гладкой тропе взрослый охотник. К тому же несло не просто вниз, а еще и к противоположному берегу.

– Неужели никак не выдернуть? – переспросил он. – Так не бывает! Это всего лишь дерево, всего лишь ветки! Попробуй еще!

Девочка крепче схватилась за ветки, напряглась... На ее глаза навернулись слезы:

– Ника-а-а-ак...

– Ну, тогда... – Пыхтун подумал, подобрался ближе к стволу и скомандовал: – Тогда дыхание удержи, я посмотрю.

Снежана послушно сделала глубокий вдох и замерла. Паренек перевалился через ствол, нажимая на ветки по ту сторону, липа провернулась, затягивая голову малышки под воду, зато с другой стороны на свет появилась ее пятка, попавшая в развилку довольно толстого сука и зажата там другой веткой. Пыхтун быстро откинулся назад, схватившись рукой за сук, вернул дерево в прежнее положение. Снежана фыркнула, отплевывая воду, спросила:

– Увидел?

– Да. Кажется, на липе ветка за дно зацепилась и отогнулась. А потом выпрямилась и твою пятку к суку прижала.

– Так отломай ее, отломай! – взмолилась девочка. – Я совсем уже ноги не чувствую!

– Подожди. Мне ее отсюда не достать.

Пыхтун, прикинув, куда именно надо пробраться, разжал ладони, поднырнул под ближний сук, проплыл вдоль ствола, вцепился в нужную ветку, провел рукой вдоль нее, но ноги не нащупал.

– Подожди. Боюсь ошибиться... – Он поглубже вдохнул, скользнул по мокрой палке в глубину и очень скоро обнаружил мягкие и теплые пальцы Снежаны. Сейчас, когда голова девочки торчала над водой, ее ступни уходили на удивление далеко вниз. Паренек повернул назад, вынырнул: – Все, получилось. Нашел. Сейчас освобожу!

Он пару раз глубоко вздохнул, нырнул снова, вцепился руками в ветку, рванул... Но она не поддалась. Оказалась слишком тугой. Пыхтун дернул снова, сильнее. Однако толку не добился. Его тело от усилий болталось в воде из стороны в сторону, а деревяшка даже не шевелилась. Мальчику было нужно найти более надежную опору и... глотнуть воздуха.

Пыхтун всплыл, отвалился на ствол, пытаясь отдышаться. Оглянулся назад, вверх по реке. Селение уже скрылось за излучиной. И, похоже, довольно давно.

– Этак мы дотемна вернуться не успеем... – недовольно пробормотал он. – Унесет за Черную реку. Там еще и болото, обходить придется.

– Что говоришь? – зашевелилась по ту сторону Снежана.

– Потерпи, сейчас освобожу... – Паренек глубоко вдохнул и нырнул снова.

При всей кажущейся простоте, отогнуть ветку оказалось не просто. Сначала Пыхтун пытался опереться ногами в сучки выше по стволу и нажать на деревяшку – но ступни раз за разом соскальзывали с мокрой опоры. Потом он решил зацепиться ногами выше по суку и оттянуть ветку к себе – но сук с развилкой оказался голым, как древко копья. Пыхтун стал подныривать под ствол и зажимать его ногами, чтобы руками толкнуть ветку. Здесь получалось держаться надежно – но пока мальчик нырял, выкручивался, закидывал ноги и нащупывал место ловушки, дыхания уже не хватало, и приходилось бросать все, выныривать, а потом начинать сначала.

Липу же несло и несло по реке, и она миновала уже не только устье Черной реки, но и прозрачный на удивление Песочный ручей с его вкусной, даже сладкой водой.

– Мы утонем, да? – вдруг всхлипнула за стволом Снежана.

– Такого не может быть! – уверенно ответил Пыхтун, устало раскинувшись на ветках. – Мы ведь из рода Бобра, а бобры никогда не тонут! Просто я немного устал и быстро задыхаюсь. Сейчас чуток отдохну...

Как учил всех детей перед первым купанием великий шаман Чужой Голос, мальчик сделал один за другим три быстрых, очень глубоких вдоха, скользнул вперед ногами вниз, обхватил ствол, крепко сжав его коленками, откинулся телом вниз и в сторону, почти сразу нащупал пятку Снежаны и зажавшую ее ветку, вцепился обеими руками, со всех сил потянул на себя. Упругая деревяшка почти не поддавалась, отогнулась всего чуть-чуть – но этого хватило, чтобы ступня девочки двинулась вверх, высвобождаясь из ловушки. Все получилось так неожиданно быстро и просто, что Пыхтун поначалу даже не поверил в успех и удерживал ветку еще некоторое время, пока опять не начал задыхаться. Только после этого он бросил липу и устремился вверх, хватанул полную грудь воздуха и тут же спросил:

– Снежана, ты где? Ну как, освободилась?

– Не зна-аю... – опять захныкала девочка. – Она все равно болит... Я ее не чувствую... Она не шевелится... Я утону-у...

– Племя Бобра не тонет! – упрямо повторил Пыхтун, хотя уже без прежней уверенности.

Большая Река была широкой, а паренек слишком устал и нанырлся, чтобы переплыть ее прямо сейчас, не отдохнув. Если же девочка и правда сломала ногу, то она не сможет одолеть реки вообще никак. Липа покачивалась на самой стремнине, и что до одного, что до другого берега было по четыре броска копья, не меньше.

– Пыхтун, Пыхтун, а ты сбегай за мамой, она возьмет лодку, приплывет сюда и заберет меня назад, – наивно предложила Снежана.

– Пока я бегаю за помощью, тебя в Воды Заката унесет, – ответил паренек. – И не найдет никто вовсе.

Цепляясь за ветки, он осторожно, стараясь опять не закрутить липу, выбрался на ствол, подал руку девочке, помог ей тоже подняться выше – чтобы в воде не застыла.глянул на высвобожденную ногу. Та и правда покраснела и заметно распухла. Даже если не сломана – с такой далеко не уплывешь. Оставалось только удерживать равновесие, смотреть на берега и ждать удачи.

Между тем, на их берегу сосновый бор сменился низким редким ольховником и ивняком. Они явно проплывали мимо Дальней топи, названной так потому, что за нее никто никогда не ходил. Даже охотники. Обходить болото далеко, а удобных для охоты или собирательства мест, как считалось, ниже по течению с этой стороны больше нет. Похоже, так оно и было: макушки хвойных деревьев над чащей показывались редко. Все больше шелестели березы и осины, способные расти прямо из воды и мха. Зато с другой стороны реки то и дело поднимались обрывы из плотного желтого песчаника, над ними потрескивали, качаясь на ветру, толстые темно-зеленые ели, едко пахнущие горячей смолой.

Пыхтун заметил, что именно к обрывам, усыпанным понижу крупными камнями и покатою галькой, их постепенно сносит с середины реки, и довольно улыбнулся:

– Повезло! Тут идти проще. Этим берегом посуху вернемся, а у деревни переплывем. Песок и камни – это не через болото пробираться, это как по тропе найденной. Коли поспешить, то до темноты, может, все-таки успеем.

Увы, течение никуда не торопилось и откинуло их со стремнины только после следующей излучины. Ветки липы зацепились за дно – дерево мелко затряслось, словно от озноба, повернулось боком и закачалось, стоя на одном месте. Обтекая возникшее препятствие, весело зажурчала вода. Пыхтун разжал руки, поднырнул под ствол, позволил потоку пронести себя между двумя толстыми сучьями, торопливыми гребками направился к берегу и вскоре выпрямился на усыпанном камнями узком пляжике под высоким, в четыре роста, обрывом. Оглянулся на девочку – но Снежана, оказывается, все еще оставалась на липе, крепко держась за ветки.

– Плыви сюда! – махнул рукой Пыхтун. – Тут близко. От тебя в десяти шагах уже на ноги встать можно.

– Она не слушается... – опять захныкала малышка. – Болит... Совсем болит. Как кусил кто-то! Сильно кусил!

Паренек вошел чуть глубже, оценил глазами расстояние от своих коленей до рук девочки. Задумчиво поджал губу.

Пыхтуну почти исполнилось двенадцать лет! Он был уже совсем взрослым мужчиной, настоящим охотником! Он должен был спасать детей и защищать женщин, не зная страха и не щадя своих сил. Но все же паренек понимал, что проплыть эти злосчастные десять шагов с девочкой на руках ему явно не под силу.

– Снежана, ты по веткам, по веткам попробуй ближе подобраться! Тут совсем недалеко. Ляжешь на спину, толкнешься – а я встречу, поддержу за затылок.

Девочка не ответила. Она вся замерла, даже дышать перестала, рот слегка приоткрылся, а глаза распахнулись так широко, что стали почти круглыми. Одновременно Пыхтун услышал над головой нежное довольное урчание и даже не оборачиваясь понял: это смерть.

Саблезубый тигр, живший в здешнем лесу не первый десяток лет, давным-давно никого не боялся. Уже истерлись в его памяти времена, когда приходилось насмерть драться с волками за пахнущую парной кровью добычу, улепетывать от разозленных медведей или далеко стороной обходить могучих лосей. Ныне он сам мало уступал размером взрослому лосю, волка мог убить одним ударом когтистой лапы, а клыки его насквозь пробивали голову самым большим из живущих в округе медведей. Теперь уже его, хозяина леса, далеко стороной обходили все здешние обитатели. А кто не успевал – быстро находил себе уютный уголок в его желудке.

Саблезубый не боялся никого и ничего. Но все же он не очень любил получать царапины от защищающих детенышей медведиц или удары рогами от вставших в оборонительных круг быков или лосей. Раздобыть вкусный обед без тычков и ран ему нравилось куда больше, а потому, заметив с высоты обрыва двух молоденьких голокожих зверьков, он даже заурчал от предвкушения удовольствия. Тепленькие, с нежным мясом и хрупкими косточками, не имеющие ни клыков, ни когтей, малыши так и просились к нему в еще пустой сегодня живот.

Ласково урча, саблезубый прыгнул вниз, готовясь вонзить клыки в белую влажную спину Пыхтуна – но паренек, нутром почуяв опасность, рванулся вперед, двумя широкими шагами запрыгнул в воду по пояс и тут же нырнул, стараясь вдоль самого дна отплыть на одном коротком вдохе как можно дальше.

Впустую расплескав воду, саблезубый возмущенно мявкнул, щелкнул пастью, покрутил головой. Но добыча исчезла бесследно, как и не было. Хищник сердито хлопнул лапой по прибрежному песку, фыркнул и решительно пошел в реку, чтобы уж вовсе не остаться голодным.

Второй зверек был здесь, совсем рядом, в двух прыжках... Вот только прыгать по воде, увы, невозможно. Только плыть.

Пыхтун вынырнул только тогда, когда грудь стало обжигать от нехватки воздуха. Он всплыл уже среди кроны, совсем рядом со Снежаной, наконец-то оглянулся... и от ужаса его бросило в жар: от берега к ним плыл самый страшный из всех обитателей леса. Злобный, сильный, ненасытный.

Паренек, конечно же, помнил слова шамана о том, что потомкам Мудрого Бобра на воде не страшен ни один зверь. Но одно дело – слушать это возле жаркого костра в полуночный час поклонения великому предку, и совсем другое – встретить на реке зверя, одна голова которого размером превышает размерами его грудь, а клыки мало уступают длиной его рукам. Да еще совсем, совсем рядом.

– Пошел! – сорвавшись от страха на визг, Пыхтун плеснул в сторону саблезубого водой, стараясь попасть в нос и уши, однако зверь не испугался, только зло рыкнул и приподнял морду чуть выше. Впрочем, высовывающиеся из его пасти клыки все равно уходили глубоко в воду. И вполне могли вонзиться жертве куда-то в живот.

От этой мысли паренюку захотелось оказаться как можно выше – и он полез на торчащие над поверхностью сучья. Высоко забраться не получилось – под весом тела липа провернулась, опуская его обратно вниз, а заодно – хлестнула саблезубого ветвями по морде, даже слегка его притопив.

Большому Коту это не понравилось. Он вынырнул, торопливо отплыл, описал широкий полукруг, попытался снова приблизиться к добыче – но на этот раз Пыхтун уже вполне сознательно полез на сучья, и Снежана, на время забыв о больной ноге, поступила точно так же. Ветки, поднимая брызги, весомо хлестнули по воде, и саблезубый предпочел отвернуть к берегу. Дерево же, совершив пол-оборота, сползло с отмели и опять закачалось, разгоняясь вниз по течению и медленно отплывая к стремнине, к самой середине реки.

– Что, поймал?! – радостно закричал Пыхтун, крепко держась за короткий сучок у самого его основания. – Съел, да? Съел?! Ходи теперь голодным, драная кошка!

– Не поймал, не поймал! – весело вторила ему Снежана. – Не достанешь!

– В воде дети Бобра сильнее всех! – выкрикнул паренек и стал осторожно, стараясь не перевернуть липу, выбираться на ствол. Постоянно барахтаться в воде было неправильно. Кожа размокает и пухнет, простудиться недолго.

– Глупый кот! – добавила девочка и тоже попыталась подняться на ствол.

Саблезубый тигр, внимательно выслушав их речи, хорошенько встряхнулся, разбрызгивая в стороны целые фонтаны брызг, принялся и неспешно потрусил по берегу вслед за плывущим деревом. Он тоже считал, что охота как-то не задалась. И намеревался вскоре поправить ситуацию. Ведь рано или поздно дерево опять должно прибиться к суше, а маленьким зверькам неминуемо придется сойти на землю. Голод не позволит им сидеть на мокром стволе вечно. А если нет – хищник возьмет их прямо на дереве. Главное – чтобы река была помельче и он мог твердо стоять на дне всеми четырьмя лапами. Пусть дерево снова прибьет к какому-то из берегов – и уж второй раз он не упустит своего шанса!

У Пыхтуна, быстро разгадавшего планы повелителя лесов, настроение сразу ухудшилось. Он перестал выкрикивать обманутому врагу обидные слова, откинулся на сук за спиной и закрыл глаза:

– Духи воды отвернулись от нас, Снежана. Мы зря стараемся. Нам уже никогда не удастся вернуться назад, – прошептал он очень тихо.

Но девочка услышала, дотянулась рукой до его плеча:

– Как ты можешь так говорить, Пыхтун? Духи защитили нас от зверя, они помешали мне утонуть, помогли тебе освободить мою ногу! Духи любят нас, Пыхтун! Они не позволят этому зверю нас сожрать!

– Ты же видишь, он топает за нами! Нам теперь не уйти с липы. Никак. Если выбраться на его берег, он нас сожрет. А на другой – так он реку переплывет, догонит и все равно слопаёт. Он в воде, может, и неуклюжий, но плавать умеет, так просто не отпустит.

– Он отстанет, Пыхтун. Обязательно отстанет! – уверенно ответила девочка. – Если духи нас от него спасли, то, значит берегут. Не отдадут ему в лапы, сколько бы следом ни шел. Мы ведь на дереве плывем, нам не трудно. А он ногами идет. Устанет и бросит.

– Да не оставят нас духи воды своей милостью, – с надеждой кивнул Пыхтун. – Мы из рода Мудрого Бобра, мы братья духам воды. Они нам помогут.

Осторожно, дабы не перевернуть дерево, он сдвинулся, сел удобнее, подтянул ноги, вынув их из воды почти до колен, и глянул на берег. Зверь продолжал мерно трусить по песчаной полоске берега. Оставалось только одно: ждать.

Противостояние длилось долго. Очень долго. Почти до самых сумерек. Раза три липу почти прибывало течением к опасному берегу – но Пыхтун и Снежана, наваливаясь на ветки, заставляли ее крутиться, отплывать обратно на стремнину, а затем снова забирались на ствол. Хищник тоже несколько раз скрывался из виду. Но дети недолго радовались победе. Рано или поздно ветви на берегу раздвигались, и они снова ощущали на себе голодный взгляд злого преследователя.

Когда начало темнеть, тигр скрылся уже надолго. Но Пыхтуна это ничуть не обрадовало. Он был почти взрослым и отлично понимал: ночью, в непроглядном мраке, в незнакомом месте, без оружия он и маленькая девочка не имеют никаких шансов дожить до рассвета. Волки, рыси, россомахи – кто-нибудь, но обязательно встретится на их пути или возьмет их след. Да и медведь, коли попадетсЯ, не откажется от легкой добычи. Про то, что Большой Кот наверняка будет одним из первых охотников, не стоило и поминать. В ночном лесу очень много клыкастых голодных тварей, способных охотиться только на слух и запах. От них даже взрослому охотнику с копьем и топором отбиться непросто. Иные и погибают. А уж двоим детям лучше и не соваться...

Снежана не думала ничего. Натерпевшись за день, она ухитрилась задремать в неудобной позе между двумя ветками, свесив ноги в воду, а левой рукой продолжая крепко держаться за ближний сук. Липа между тем плыла почти посередине реки, плавно покачиваясь, словно убаюкивала своих седоков. Где-то слева в темноте послышался протяжный вой, лишний раз напомнивший об опасностях ночных переходов. Справа между стволами что-то засветилось. То ли пробился свет низких звезд, то ли засияли светлячки, то ли глаза выдали тигра, дожидающегося в засаде первой оплошности совсем близкой добычи.

Пыхтун подтянул ноги, полностью вынув их из воды, пристроил, как мог, ступни на шершавом стволе, просунул руку в развилку ветки над головой, чтобы случайно не соскользнуть, и тоже прикрыл глаза.

Паренек проснулся от упавшего на лицо яркого луча света, открыл глаза и понял... что это конец. Он находился в Водах Заката. Находился там, куда попадают все окончившие свой жизненный путь люди. И не только они.

Между тем, вода вокруг казалась точно такой, как и в обычном мире, точно так же голубело небо, грело поднявшееся над горизонтом летнее солнце, и точно так же, как вчера, покачивалась под ним большущая ветвистая липа. И точно так же, как в мире живых, ему страшно хотелось есть.

Пыхтун оглянулся. Позади, на расстоянии вытянутой руки, продолжала сонно посапывать Снежана.

Они попали в Воды Заката вместе. Это хорошо. Значит, здесь будет не так одиноко.

Солнце поднималось выше и выше, согревая его продрогшее тело. Но вместе с рассветом оживали и духи воздуха, которые все проворнее носились над поверхностью реки, покрывая

ее сперва мелкой рябью, затем крупной, потом волнами, все быстрее и быстрее растущими в высоту.

– Где мы, Пыхтун?! – испуганно закричала проснувшаяся девочка. – Что это?

– Мы в Водах Заката, – мрачно ответил паренек, мысленно умоляя мертвое дерево не переворачиваться под ударами разгулявшейся стихии.

– А где берег?

Снежана была еще слишком маленькой и ни разу не ходила кланяться великому предку их племени, Мудрому Бобру. А потому не знала, что у Вод Заката не может быть берегов. Ибо Воды Заката – предел всему. Шаман Чужой Голос рассказывал о том, как устроен мир, именно во время торжества поклонения. И рассказывал это только тем, кто способен понять древнее знание. Снежана в число достойных пока что не входила.

Пыхтун не стал ничего говорить девочке, дабы не пугать понапрасну. Он лишь удивился тому, что совершенно не заметил, как ушел из жизни. Может быть, они утонули во сне? Или тигр все-таки сожрал их обоих, и все, что происходило дальше, было лишь посмертным путешествием сюда, в вечность?

Паренек мог бы размышлять об своей печальной участи еще довольно долго – но высокая волна, приподняв липу, вдруг открыла его взору темную полосу впереди. Темно-темно-зеленую черту на краю чистого голубого неба.

– Берег!!! – закричал мальчик, изо всех сил вытягивая шею. – Снежана, там берег! Духи любят нас, Снежана! Они несут нас прямо туда! Мы живы, Снежана! Мы живы! В Водах Заката не бывает берегов, Снежана. Если это берег, значит мы все еще живы.

– Очень кушать хочется, Пыхтун, – не поняла его сложных умозаключений маленькая спутница. – Ты не видишь, мы близко от дома?

На такой вопрос крепко вцепившийся в ветки паренек даже отвечать не стал. Ему было страшно представить, как далеко за это время успела унести их Большая Река и волны Вод Заката. Это глупой малолетке казалось, что дом всегда рядом! А Пыхтун был уже взрослым, этой осенью закончится его двенадцатое лето. И он понимал, сколь велик на самом деле окружающий мир.

Духи воздуха очень старались, дуя на дерево, кидая его волнами, подталкивая в нужном направлении всеми своими силами, – но прошло еще больше половины дня, прежде чем очередная волна швырнула липу прямо на плотную коричневую стену камыша.

– Вперед плыви! – крикнул Пыхтун, бросая ветки и ныряя между стеблями. Потомок Мудрого Бобра отлично знал, что дальние стебли камыша растут на глубинах, скрывающих его с головой, и ногам тут опоры не найти. Если волны кинут дерево, столь долго бывшее для детей спасением, им же на головы – утопят моментально.

Однако Снежана вдруг истошно завывала, а две волны, одна за другой, прокатились через ее голову. Да еще сучья качающейся липы опасно замелькали от девочки то с одной, то с другой стороны. Думать было некогда – паренек метнулся назад, чудом проскользнув между ветвями к самому стволу, и вдоль него пробрался к девочке. Бросившись вперед, Пыхтун толчком в плечо перевернул Снежану на спину, задержал дыхание, схватил ее ладонями под затылок, поднимая над собой и, отчаянно работая ногами, спиной вперед поплыл в камыши.

Густо растущие стебли упирались, наклонялись, ломались, больно царапая спину. Но они же – и поддерживали, не давая провалиться под весом девочки в глубину. Волны опять превратились в союзниц. Они то приподнимали детей, позволяя пробраться чуть дальше, то проседали, кладя их на подушку из ломаных камышей и даря несколько мгновений, чтобы глотнуть воздуха.

Пробиваться таким образом через камыши пришлось очень долго. Пыхтуну показалось – целую вечность. Однако ступни в конце концов ощутили дно, и он смог уже более-менее спокойно пробираться дальше, раздвигая, а не ломая камыши. Снежану же приходилось по-преж-

нему тянуть за собой, удерживая ее лицо над поверхностью воды. Последние усилия – камышовая стена наконец поредела, вода теперь едва доходила до колен. Паренек подхватил девочку под мышки и, пятась, протащил через последние стебли и через пляж из окатанных камней до травы. Там уронил на землю и сам обессиленно упал рядом.

– Все, больше не могу!

– Моя нога, Пыхтун, – продолжала сквозь слезы хныкать Снежана. – Она совсем... как деревянная...

Паренек, чуть отдышавшись, сел, опустил глаза – и сразу понял, что ночное пребывание в холодной воде и без того больной ступни не пошло малышке на пользу. Ниже колена голень опухла так, что стала вдвое толще бедра, приобрела мертвенно-белый цвет, пальцы же и ступня совершенно исчезли под бесформенным наплывом. Пыхтун осторожно коснулся больного места пальцем, потом нажал сильнее.

– Ничего не чувствую! – еще громче заплакала девочка. – Пыхтун, я хочу домой, к маме!!!
Пыхтун, пошли домой!

– Как пойдешь с такой-то ногой? – фыркнул паренек. – Ты же на нее и встать не сможешь!

– Ма-ама... – продолжала плакать Снежана. – Я к маме хочу! Пыхтун, позови ма-аму!

– Да не плачь же ты! – недовольно буркнул Пыхтун. – Нас скоро найдут!

Он был совершенно уверен в том, что племя Мудрого Бобра не бросит их на произвол судьбы. Ведь сила рода в том, что все, от мала до велика, держатся вместе и всегда помогают друг другу. Сильные вступаются за слабых, слабые помогают сильным добиваться победы. Для общего блага важен вклад каждого, даже самого маленького и слабого члена племени. Только так можно одолеть опасности большого мира: не стать добычей хищников, не умереть от голода, пережить зимние морозы или летние ненастья. Племя не может бросить без помощи кого-то из своих. Это будет нарушением заветов Мудрого Бобра, о которых шаман не раз рассказывал во время обряда почитания предка.

Пыхтун не знал, что охотники племени, успешно загнавшие в верховьях реки гигантского лося, как раз сейчас разделяют добычу и обжаривают ее на кострах, чтобы в сохранности доставить в селение. И раньше завтрашнего дня отправляться в путь не собираются. Детей пытались найти только женщины, что вчера в конце дня вернулись с болота. Но и они смогли пройти по берегу лишь до Дальней Топи. Дальше пешим пути просто не было.

– Хорошо хоть не болит, – утешил девочку Пыхтун, выпрямляясь во весь рост.

С небольшого лужка, окруженного куцыми березами и ивами, Воды Заката разглядеть не получалось: озеро полностью загоразивали высокие камыши. Зато здесь не дул ветер, а солнце с чистого голубого неба припекало так, что быстро развеяло воспоминания о долгом пребывании в воде. Даже захотелось снова искупаться.

Пыхтун заметил слева крупный валун, величаво возвышающийся среди камушков размером чуть выше человеческой головы, отправился к нему, забрался наверх, выпрямился. Теперь он стоял аж над коричневыми кисточками и легко мог видеть воду до самого горизонта. Но куда важнее сейчас было разглядеть берег. Оценив обстановку, паренек прыгнул вниз, вернулся к Снежане:

– Слева зелень светлая. Березы, ольха и ивы, насколько глаз хватает. А вот справа темные пятна над лесом видны. Ели растут. Значит, возвышенность. Туда надо идти. Там должно быть сухо. А здесь, в сырости к вечеру холодно будет и комары заедят. Да и вообще... В сыром месте жить трудно.

– Кушать хочется, Пыхтун, – пожаловалась Снежана, перестав, наконец, шмыгать носом. – Нас найдут, Пыхтун? Мы не пропадем?

– Чего тебе бояться? – удивленно пожал плечами паренек. – Ведь я с тобой. Я уже взрослый охотник, мне двенадцать лет. Когда рядом мужчина, женщине бояться нечего.

– Тогда пойдем? – Девочка поднялась, ойкнула, тут же свалилась набок и привычно захныкала: – Не слу-ушается-а-а...

– Не плачь, сейчас я все сделаю...

Пыхтун оценил высоту ближних березок, выбрал ту, что немногим превышала его ростом, потянул к себе, рывком повис на ней всем своим телом. Стволик толщиной всего в два пальца лопнул с громким щелчком. Осталось несколькими рывками порвать кору, и шелестящая крона легла рядом со Снежаной:

– Забирайся.

Девочка перекатилась на ветки, крепко вцепилась в них руками. Пыхтун взялся за комель и потянул спутницу за собой.

– Мы домой, да? – вполне даже весело уточнила Снежана.

– Нет, к елям. Там холмики, там сухо. На болоте оставаться нельзя. От сырости заболеть можем. И вообще... Неуютно.

– Почему не домой? – возмутилась малышка. – Я хочу домой!

– Далеко. Нам не дойти.

– Почему?!

– Ты сама вспомни, – остановился Пыхтун. – Нас вчера чуть не весь день несло, ночью несло, и еще полдня. Течение у Большой Реки такое, что взрослого охотника обогнать может. День, да ночь, да еще половина. Кабы тропа ровная да удобная назад к селению вела, так и то три дня пришлось бы шагать. А без тропы, через лес, нехоженым путем... – Паренек запнулся. В его уме примерный срок возвращения выходил где-то дней в тридцать, но... Увы, племя Мудрого Бобра еще не успело придумать определения для столь большого числа, и потому Пыхтун смог оценить время только так: – Много дней придется идти. Очень много. С этим же, – он кивнул на сломанную березу, на которой удобно примостилась спутница, – с волокушей и вовсе не пробраться. Ждать надобно, пока найдут. Посему сухое, удобное место выбрать да терпением запастись. Охотники нас найдут.

Он снова взялся за ствол и поволок березу по влажному каменистому пляжу, тянущемуся между травяной кромкой и камышовыми зарослями. Время от времени особенно крупные волны выкатывались до самой травы и смачивали камни, но это было даже хорошо. По влажному берегу волокуша скользила лучше.

– Говорил, к елям нужно, на сухое место, – недовольно хлюпнув носом, укорила его девочка. – А сам по камням и воде идешь.

– А вдруг там рысь, медведь или волки окажутся? – оглянулся на нее Пыхтун. – А у меня ни копыя, ни дротика, даже ножа с собой нет.

Хотя, какое там оружие? Сейчас он не имел вообще ничего! Ни обуви, ни одежды, ни простенького шила или хотя бы веревки подвязать волосы! Голые руки, босые ноги и больной ребенок за спиной. Тут не то что волки – обычная осока, и та путнику кровь пустить может!

– Подожди, – забеспокоилась девочка. – Так ведь звери и сюда прийти могут! Воды попить или на запах. Они нас загрызут, да?

И Снежана опять хлюпнула носом, готовясь зареветь.

– Здесь не страшно, здесь вода рядом, – с натугой ответил Пыхтун, перетягивая волокушу через поваленную полусгнившую лесину. – В любой миг на глубину спрятаться можно. Мы ведь из племени Бобра, забыла? У реки или озера нам никто на свете не страшен. Звери лесные – они воды страшатся, не любят. Шерсть у них в воде мокнет, уши и нос для нее открыты, в пасть она к ним заливаается. У нас же шерсти нет, нам бояться нечего. Мы хоть по шею войти на глубину можем и твердо ногами на дне стоять, и нос у нас такой, что в него волны не захлестывают. Волк же, рысь, россомаха или даже медведь такого не умеют, они уже на малой глубине лапами барахтаются, плывут как могут. Коли кто подберется – руку протяни да топи его без опаски. Ни клыков, ни когтей зверь плывущий использовать не способен... –

Паренек и не заметил, с какого мгновения перестал говорить сам и начал повторять слова шамана племени, услышанные во время поклонения предку. – Не страшен никто детям Мудрого Бобра в воде, любой враг в дитятю беспомощного превращается. Ну, а коли слишком длинноногий враг попадетя – так всегда нырнуть можно и пропасть. На такое чудо и вовсе только люди да братья-бобры способны. Посему при опасности людям к воде поближе следует держаться. Особенно слабым детям и женщинам. В общем, ближе к берегу нам нужно удобное место искать. В лес далеко не забираться.

Чахлый березняк вскоре сменился не менее чахлого вида болотцем, из которого в сторону озера сочилась через камни бурая склизкая вода. Местами эти потоки соединялись в мелкие ручейки, один из которых выше по течению густо зарос рогозом. Оставив девочку на камнях, Пыхтун ринулся в заросли и принялся выдергивать как можно ниже молодые стебли. Белые листья у основания он счищал, а аппетитную коричневую сердцевину, пахнущую прелой листвой и чуть сладковатую на вкус, жадно запихивал в рот. Немного насытившись, он надергал изрядную охапку, отнес Снежане, потом вернулся, глубоко проваливаясь в мох, и вскоре полностью разорил уютный уголок.

Разумеется, паренек знал, что корневища рогоза больше и сытнее – но выкапывать их голыми руками удовольствие сомнительное. Больше намучаешься, чем наешься. К тому же, эти коренья хороши печеными – а готовить их было пока не на чем. Посему, подкрепившись, Пыхтун вернулся к своей простенькой волокуше и двинулся дальше.

Болото сменилось густым, темным и сырым ольховником, потом ненадолго в стороны раскинулся ивняк. Здесь берег стал посуше, чуть вдалеке можно было разглядеть могучие липы и тополя, на болоте растущие не очень охотно. Там, под густыми кронами, наверняка было уютно и спокойно. Много ароматной зеленой травы, часть которой наверняка годится в пищу, но... Но лиственные леса даже на холмах все равно всегда сырые, земля под травой не высыхает в самый сильный зной. Не лучшее место для ночного сна. А о ночлеге уже давно пора подумать. Большая часть дня позади, искать убежище в сумерках будет поздно.

– Ели совсем близко, я их вижу, – приободрил девочку Пыхтун. – Скоро дойдем.

Еще немного усилий – и паренек сделал неприятное открытие: берег повернул к северу. Это означало, что поросший соснами и елями вожделенный взгорок, к которому он так долго стремился, стоит не у воды, а сильно в стороне, за густыми зарослями березы и ольхи.

– Да, оттуда к воде не добежать, – разочарованно пробормотал Пыхтун. – Подожди здесь, я пройду дальше. Может, другое место замечу. Не такое опасное.

Отпустив волокушу, паренек быстрым шагом отправился дальше по берегу, но вскоре наткнулся на широкую протоку. Громко хлопая крыльями и недовольно клекоча, шарахнулись в стороны птицы, метнулась от ног на глубину стайка мальков. То ли это разлилась впадающая в Воды Заката неведомая река, то ли Воды сами образовали залив, давший приют изрядному количеству уток, чаек и гусей – поди отсюда угадай! Но то, что с волокушей водную преграду не одолеть – Пыхтун понял сразу.

– Зато рогоза столькоросло, на все племя хватит, – пробормотал он, поворачивая назад. – Несколько дней прожить можно.

– Ты вернулся?! – приподнявшись, махнула рукой Снежана. – А я хотела к камышам подойти, и не получилось. Не слушается нога совсем, хоть плачь.

К счастью, несмотря на угрозу, теперь она совершенно не хныкала.

– Ни одной звериной тропы не видел, – ответил ей Пыхтун. – Думаю, крупные хищники сюда давно не хаживали. Попробуем на холм подняться. С него и лодку увидеть можно, когда нас искать начнут, и комаров вечером сдувать будет, и не отсыреем ночью. Давай, ложись. Поворачиваем...

Сказать это было куда легче, чем осуществить. Девственная роща понизу оказалась густо переплетена тонкими, но крепкими стеблями лютиков, перекрыта зарослями иван-чая и кра-

пивы. Причем не только молодыми жгучими растениями, но и пожухлыми остатками прошлогодней травы, и позапрошлоголетней. Уже давно мертвой – но от того не менее прочной. Здесь торчали пеньки старых, когда-то сломавшихся толстых деревьев и прутья молодой поросли, и царпучие стволы ольховника, что высох в тени, не успев дорасти до солнца. Все вместе это живое и пересохшее буйство представляло собой препятствие, через которое нужно прорубаться, а не идти – но прорубаться было нечем, и Пыхтун проламывался вперед шаг за шагом, рвя, ломая, опрокидывая преграды своим собственным телом.

Хорошо было только одно: тяжелая волокуша окончательно затирала его путь, оставляя за собой широкий ровный след. Готовую тропу, по которой можно быстро убежать к Водам Заката и спрятаться там от возможных врагов.

Когда заросли наконец кончились, Пыхтун упал на спину в густой ковер незрелой черники и долго, долго отдыхал, закрыв глаза и тяжело дыша. Он выдохся настолько, что окажись сейчас рядом россомаха или пара волков – не стал бы даже сопротивляться, встретив избавление от мук с улыбкой облегчения. Но лесные хищники упустили свой шанс: отлежавшись, Пыхтун поднялся на ноги и зашагал вверх по склону между редкими соснами. В одном месте ковырнул пальцем толстый, мягкий слой опавшей хвои. По коричневым иголкам построился песок.

– Понятно, – задумчиво, как отец, кивнул паренек. – На песке, кроме сосен, никогда ничего не растет. А там, где ели, наверняка ямка с землей.

Пыхтун оглянулся на Воды Заката, скривился в усмешке. Отсюда, с холма, полоска ольховника казалась совсем узенькой. Трудно поверить, что прорываться через нее пришлось так долго. Дальше, за коричневой лентой камыша, раскинулась в бесконечность голубая гладь озера...

Наверное, это было красиво – но на Пыхтуна свалилось слишком много хлопот, чтобы тратить время на любование пейзажем. Он выбрал на склоне холма ровное место, расчистил его до песка, сходил за Снежаной, после чего по уже готовой тропе помчался к озеру и по берегу к заливу, где почти до сумерек старательно дергал рогоз, собрав такую охапку, что еле помещалась в руках. С ней вернулся к девочке. А когда та управилась с угощением – уже наступили сумерки, и маленькие путешественники, крепко прижавшись друг к другу, погрузились в тревожный сон.

Сокровище

Духи леса оказались милостивы – ночью покой детей никто не потревожил. Но разбудило их, увы, не солнце, а острый приступ голода. Травка, даже такая вкусная, как рогоз – не самая сытная еда для юных потомков Мудрого Бобра.

Пыхтун, поднявшись, первым делом осмотрел ногу своей спутницы. Голень у нее не то что не исцелилась, но, кажется, распухла еще больше.

– Ладно, лежи, – разочарованно махнул он рукой. – Схожу за едой.

Паренек сбегал с холма, знакомым путем прошел по тропе к берегу, повернул налево, любуясь сверкающими на солнце камнями. Черные и серые, красные и полосатые, с искрящимися слюдяными вкраплениями и коричневые, с белой полупрозрачной поволокой...

Пыхтун замер, приглядываясь. Опустился на колени и вывернул из земли довольно крупный кусок кремня, отшлифованный волнами до зеркального блеска. Сглотнул от восторга, старательно пристроил его между обычными камнями, вывернул из-под ног другой булыжник, выпрямился, поднял его над находкой и бросил вниз. Послышался громкий треск, брызнули осколки, камень раскололся надвое – но главным было не это. Главное – в стороны от хрупкого кремня отлетело сразу несколько крупных кусков!

Пыхтун опустился на колени, собрал все осколки, которые заметил, внимательно рассмотрел. Отложил в сторону почти круглый, с острыми краями кусок, отколовшийся сбоку. Другой – продолговатый, но узкий – сунул под ногу, несколько мелких треугольных осколков сгреб в кучку, отодвинул. Снова взялся за круглый осколок, покрутил перед глазами, положил на небольшой камень, выпирающий из пляжа, нащупал другой, размером с кулак, примерился и стукнул в самый центр. По кремню в стороны зазмеились трещины, он распался на четыре осколка разной формы.

Пыхтун разочарованно вздохнул: хотел сделать один удобный нож, а получилось четыре неуклюжих скребка.

Далеко ему еще до мастерства Хромого Зубра! Тот первый попавшийся камень с берега подбирает и прямо у всех на глазах любой инструмент, что просят, делает. Хочешь – наконечник для копья, хочешь – нож для разделки туши. Хочешь – серп, хочешь – скребок. Ну да Хромой Зубр своим делом с незапамятных времен занимается, с тех пор, как ногу покалечил. А случилась сия беда еще до рождения Пыхтуна. Было время научиться. Мальчику же остается только надеяться на удачу да выбирать из осколков те, что могут пригодиться.

Паренек снова взялся за тяжелый булыжник, поднял над головой и со всего размаха опустил на все еще довольно крупный, обколотый только с края, кремень. Собрал то, что отвалилось, опять шарая по камню с высоты и вновь сел разбирать получившиеся осколки. После некоторого раздумья отложил к самому первому, длинному и тонкому обломку еще два продолговатых, потом долго крутил перед глазами увесистый кусок с тремя торчащими в стороны острыми гранями. Подобрал гольш и аккуратными мелкими постукиваниями сбил две из граней, примерил получившийся инструмент к руке. Кремень лежал в ладони плотно, кожу не резал. От большого пальца вниз, выпирая на три пальца дальше ногтей, шла слегка изогнутая острая кромка.

Оглядевшись, Пыхтун подошел к березке, наклонился и несколько раз ударил снизу вверх под самый комель. Острый камень с удивительной легкостью входил в дерево, прорубая и кору, и древесные волокна, оставляя не рваные лохмотья, а гладкий ровный срез. Два десятка ударов – и деревце в три пальца толщиной упало набок. Паренек прошел вдоль ствола, с легкостью срезая ветки, еще несколькими ударами отсек макушку. Вернувшись с добытой палкой на пляж, Пыхтун положил «топор», взял скребок и быстрыми мелкими движениями заточил верхнюю, более тонкую часть. Выпрямился, опершись на палку. Сверкающее влажной

белозной острие возвышалось над головой на высоту вытянутой руки. Пыхтун резко отпрыгнул, перехватив палку двумя руками, кольнул ею воображаемого зверя, отступил, кольнул снова, крутанулся, ударил тупым концом, уколол, выпрямился. Потрогал пальцем самый кончик остря – и расплылся в широкой довольной улыбке.

Теперь у него было копьё! Пусть не самое лучшее: деревянное острие слабое, легко ломается, если попадет в череп или кость, быстро разломачивается, когда задеваешь им в пути ветки или влажную траву. Но все равно, при сильном ударе им можно нанести опасную рану даже сильному зверю, можно ударить, отпугнуть. А еще у паренька теперь имелись скребки, резаки, топор, заготовки для ножа и серпа... Уже легче, не так страшно смотреть в будущее.

– Можно теперь и за едой отправляться, – весело решил Пыхтун.

Снова взявшись за «топор», у ближней ольхи он споро срубил нижнюю толстую ветку, укоротил ее, оставив кусок длиной чуть больше руки, полукруглым скребком подровнял у комля. Осмотрев коллекцию осколков, выбрал плоский обломок, шершавый с одной стороны, и бодрой трусцой помчался к заливу.

В этот раз он не стал выдергивать листву. Втыкая ольховую палку в дно, Пыхтун выворачивал растения вместе с корнем, вытягивал толстую, с палец, мохнатую плеть насколько хватало сил – а потом обрезал кремневым осколком. От берега по заливу поползла вонючая глинистая муть. Гуси и утки, поначалу шарахнувшиеся от человека в стороны, потянулись на запах, стали нырять, хлопая клювом, выцеживать изгнанных из безопасного укрытия червячков, личинок и мотыля, и вскоре настолько осмелели, что плавали – рукой достать можно. Впрочем, Пыхтуну было не до них: разорив, перерыв берег на несколько шагов, он добыл изрядную грудку корней. Гуси, даром что неуклюжими кажутся, при малейшей опасности моментом увернутся. А корни – вот они, здесь!

Перетащив добычу к протоке, паренек хорошенько выполоскал ее в воде и, оставив каменный ножик и копалку возле заводи – руки-то заняты, – гордо зашагал к временному убежищу.

– Вот, держи! – высыпал добычу перед девочкой гордый собой Пыхтун. – Это не листики. Корни сытные, тут еды и на завтра хватит.

– Какие мужчины глупые, – презрительно сморщила носик его больная спутница. – Их же сырыми не едят, их запекать нужно.

– Подожди, это еще не все! – Пыхтун сорвался с места и вскоре вернулся, удерживая ладонями у пуза собранное каменное сокровище. Снова убежал, на этот раз приволок трухлявую палку и березовый древесный гриб.

– Это трут, – пояснил паренек. – Он не горит, но тлеет. Зато долго тлеет, такой палки на всю ночь хватит. Или гриба, он еще медленнее истлевает.

Пыхтун пошел по холму, собирая сухой валежник.

Дни в землях племени стояли жаркие, солнечные. Роса до холма не добиралась. А потому все валявшиеся вокруг деревяшки для костра подходили идеально. Искры хватает, чтобы разгорелись. Однако паренек решил не рисковать и снял с березки под холмом несколько тончайших, невесомых полосок бересты, добавив к ней комок сухой травы. Затем среди принесенного валежника выбрал толстый сосновый сук, упер его в корень, выпирающий из песка прямо рядом с девочкой.

Снежана, прикусив губу, внимательно наблюдала за его приготовлениями. Паренек нашел среди камней осколок с совсем узкой острой кромкой, склонился над суком, вода по нему новеньким инструментом. На песок посыпалась тонкая стружка. Вскоре в деревяшке появилась канавка в полпальца глубиной. В ее конце Пыхтун расковырял трещинку, в нее воткнул несколько соломинок и кусочек бересты, наскреб с гриба чуток трута. От другого валежника отломил ударом ноги сучок в два пальца толщиной, прижал его к груди и закрыл

глаза, призывая на помощь всех духов своего рода и этого холма, моля о заступничестве Мудрого Бобра и взывая к милости лежащей на земле деревяшки.

Даже в своем селении, пользуясь готовой, правильной отцовской теркой и готовым, отобранным и тщательно высушенным трутом, он добивался успеха один раз через два. Здесь же, пользуясь первыми попавшимися палками и только что собранным трутом... Оставалось надеяться на то, что жаркая погода превратила в сушиняк все вокруг, на что только падали солнечные лучи.

Пыхтун глубоко вздохнул, вставил палку в вырезанную щель, прижал деревяшку и, навалившись на сучок всем своим весом, принялся быстро-быстро двигать его в щели вперед-назад, не жалея сил.

Поначалу ничего не происходило, но вскоре он явственно ощутил легкий запах гари. В щели, в тех местах, где края палки упирались в дно, появились слабые коричневые полоски. Это не значило еще ничего – хорошо натертая древесина чернеет даже сырая. А сырую зажечь невозможно совсем.

– Дымок, Пыхтун! Дым появился! – вдруг взвизгнула Снежана.

Но паренек ее радости не поддавался. Он пытался добыть огонь не в первый раз и отлично знал, что успех приходит только тогда, когда потрачено немало времени, а сил в руках и теле уже не остается. Для огня мало просто дымков. Нужно, чтобы мельчайшие крупинки древесной муки, что с дымом вытираются сейчас со дна выемки, сбились в самом конце – там, где приготовлен трут. И этих крупинок должно быть много. А уже от них займется огнем остальной трут. А первые дымные крупинки – они погаснут еще до того, как он успеет поднять голову. И Пыхтун продолжал тереть, тереть, тереть, пока не почувствовал, что сейчас упадет от бессилия. Только после этого паренек глянул в конец выемки, куда так долго бил теркой.

Там над щелью курился совсем слабенький дымок – но он был!

Пыхтун тут же добавил в щель немного трута, осторожно подул, добавил еще, опять подул – и лишь заметив в коричневой кучке крохотную алую точку, аккуратно сунул в нее краешек белой полупрозрачной бересты. Подул снова. Появился легкий язычок пламени. Паренек подложил в него еще бересты, добавил сверху пук сухой травы, а когда занялась и она – тут же перенес к сложенным шалашиком тонким веткам. Они затрещали. Пыхтун уже смелее добавил сучки в палец толщиной и, не дожидаясь, пока они займутся, смело прижал сверху толстыми валежинами. И только после этого позволил себе откинуться назад и перевести дух.

– Ой-ёй-ёй! – радостно замахала руками Снежана. – У нас костер! Представляю, как удивится мама, когда нас найдет!

* * *

В это самое время к пляжу у стойбища племени Мудрого Бобра приставали пять лодок. В каждой сидело по два охотника, и в каждой посередине лежала прикрытая рогожей груда хорошо пропеченного мяса. Мужчины были веселы и горды собой: они привезли столько добычи, что ее должно хватить на много, много дней. И еще останется, что засушить и сложить в домах на случай ненастного или неудачного голодного времени. Охотники были так довольны, что не сразу обратили внимание, сколь печальны встречающие их женщины и дети.

– Где Хромой Зубр? – первым заметил неладное шаман.

Женщины невольно оглянулись на взгорок, где хромой охотник, оставшийся в стойбище старшим, поливал землю под священной ивой сладким травяным отваром, моля духов леса о помощи. Однако рассказать об этом Чужому Голосу никто не успел. Чистая Капля, не сдержавшись, растолкала старших и кинулась к мужу:

– Пыхтун пропал! Клык, его унесло еще позавчера, и он так и не вернулся!

– Как унесло? Чем, куда? – не понял Ломаный Клык, вытаскивая лодку на песок.

– Их плавучее дерево унесло! – выкрикнула Белая Лиса. – Снежану и Пыхтуна! Мы искали, но не нашли...

Молодая женщина расплакалась, закрыв лицо ладонями. Чистая Капля лишь нервно ошипывала мех с подола платья из тонких оленьих шкур и с надеждой смотрела на мужа большими голубыми глазами.

– Помогите Ломаному Клык и Храброму Рык разгрузить лодки! – решительно приказал охотникам Белый Камень, которого уже много лет все слушались как вождя. – Чужой Голос, ты поплывешь с Клыком вдоль закатного берега. Призови всех добрых духов, дабы помогли найти детей. Я и Рык поплывем вдоль рассветной стороны. Торопитесь! Мы и так узнали о беде слишком поздно!

Десять сильных мужчин моментально перекидали груз из двух долбленок на прибрежную траву, помогли столкнуть прочные осиновые лодки обратно на воду. Охотники запрыгнули внутрь и, тут же взявшись за весла, насколько хватило сил разогнали узкие и длинные стремительные челноки вниз по течению. Деревья и кусты замелькали с такой скоростью, словно люди бежали со всех ног.

Почти сразу мужчины обогнули первую излучину, промчались до устья Черной реки, заскользили по реке дальше. При этом потомки Мудрого Бобра не отрывали глаз от берегов. Опытный взгляд прирожденных охотников миготом отмечал все мелочи: обломанные ветки, примятую траву, следы на песке, вывернутые камни. Но ничто пока не выдавало появления здесь детей или опасных для них хищников. Никто рослый и тяжелый не выбирался из реки, утаптывая траву, не ломился через кустарник, не шел вдоль берега, оставляя выемки во влажном песке и мелкой гальке.

Остался позади Песочный ручей, лодки миновали очередную излучину...

– Сюда! – Храбрый Рык неожиданно погрузил весло в воду, тормозя лодку, указал на обрыв. Охотники повернули к берегу, выпрыгнули из лодок. – Вот, смотрите! Кто-то крупный спрыгнул сверху. Вон какие выемки в слежавшемся песке. Судя по тому, насколько широко стоят лапы, это был...

Он запнулся.

– Да, это он, – согласно кивнул Белый Камень. – Он что-то увидел в реке, спрыгнул, вошел в воду... Вот здесь... А здесь вышел. Следы уже сильно затекли, это было позавчера. Он хотел достать какую-то добычу, но не смог и потрусил вдоль воды. Вот следы, вот... Ломаный Клык, возвращайтесь вместе с Чужим Голосом к тому берегу. Если он кинулся к детям, они должны были переплыть на ту сторону.

– Зачем им это? – покачал головой шаман, опершись на весло. – По закатной стороне тянется топь, по ней не пройти.

– Лучше топь, чем Большой Кот! – возразил вождь. – Снежана и Пыхтун потомки Мудрого Бобра, они не боятся воды. Им незачем забираться в болото, они могли пойти назад вдоль берега. В реке лесные звери не страшны.

– Тогда бы они вернулись в селение еще вчера, Белый Камень, – возразил шаман. – Но их нет. Значит, на берег они не выходили. Мне жаль, братья мои, но они, похоже, утонули.

– Этого не может быть! – перебивая друг друга, горячо возразили Ломаный Клык и Храбрый Рык. – Они дети Бобра! Они всегда прекрасно плавали и лазали по деревьям! И не раз играли на плывущих деревьях! Они не могли утонуть! В нашем роду вообще никто никогда не тонул!

– Дерево могло повернуться в воде и своей кроной неожиданно увлечь их на дно.

– Если бы они утонули, Чужой Голос, – холодно ответил Белый Камень, – их тела прибило бы к берегу. Так или иначе, нужно искать. Обратись к духам, пусть они помогут в этом!

На этот раз шаман возражать не стал. Лишь пригладил курчавую, рыжую с проседью бороду и забрался в лодку.

Он был стар и мудр, Чужой Голос, он помнил куда больше всех остальных охотников. Он знал, как мало веселых, крепких и ловких малышей доживают до возраста взрослых мужей. Не успев набраться силы и опыта, одни становятся жертвами зверей, другие забредают в болото или умирают из-за болезней. Кто-то падает с дерева или с обрыва. А многие – тонут, как самые обычные лесные звери. Река коварна, и далеко не всегда несет только спасение. Летом в ней случаются водовороты, зимой – полыньи, она способна зацепить жертву невидимой подводной корягой или кинуть на камень. Мир жесток к оступившимся, и поэтому на его долгой памяти число жилищ в племени увеличилось всего на два дома. Было шесть, стало восемь. Дети же в домах рождаются каждый год...

Почему Пыхтун и Снежана не приплыли на пляж сразу, когда дерево стало уносить? Почему не бросили его, когда их унесло за излучину? Даже забаловавшись и забыв обо всем, они все равно должны были вернуться к ночи! И если их нет, значит...

Но делиться своими мыслями с родителями шаман не стал. Не решился причинять боль отцам, потерявшим первенцев. К тому же – а вдруг?..

Однако берег скользил за бортом, девственно нетронутый: на краю топи не селились даже утки. Белый Камень и Храбрый Рык тоже не подавали знаков. Значит, ничего не замечали. Ни кровавых следов тигриного пиршества – что было хорошо, ни следов ночлега – что было плохо. Отдаляться от спасительной воды дети бы не стали. Нет следов – значит, из реки никто не выходил.

Лодки миновали очередную излучину, и шаман вздохнул: как ни горько, но поиски потеряли всякий смысл. Зачем детям уплывать так далеко? Что могло заставить их полдня сидеть на дереве? Почему они не вернулись, увидев, что мимо тянется уже Дальняя топь? Почему не испугались тигра и не кинулись к другому берегу? Объяснение всему этому напрашивалось только одно, и было оно очень, очень печальным.

– Смотрите, это знак! – привстав в осиновой долбленке, указал вперед Чужой Голос. – Это тени! Тени без людей! Я должен обратиться к духам, они хотят говорить со мной.

Охотники честно попытались разглядеть что-либо над блестящей поверхностью реки. Никаких теней они не заметили, но возражать шаману не стали. Ведь духи приходили только к нему, только Чужой Голос слышал их речи и сам говорил голосами духов.

Лодки повернули к берегу, причалили возле небольшой поляны, и мужчины выбрались на берег.

– Расступитесь. – Шаман опустил на колени, наклонился, поцеловал траву, сдвинул вперед висящую на плече плетеную из листьев рогоза сумку, откинул край, достал туесок из бересты, высыпал на ладонь несколько щепоток порошка из гриба-красноголовика, помогающего увидеть иной мир, кинул себе под язык и надолго замер, рассасывая зелье. Когда же сознание знакомо помутилось, открыл глаза и быстро закрутил головой, громко призывая духов: – Ой-я бобу! Ой-я, еу, еу...

От быстрого вращения головой и протяжного горлового пения голова закружилась, мир вокруг слился в яркие белые, синие и зеленые кольца, размазавшись, и шаман окончательно потерял сознание – свалился набок, мелко затрясся, изо рта потекли желтые пенящиеся струи.

– Чужой Голос, ты меня слышишь? – присел рядом на колено Белый Камень. – Ты здесь или ушел? Что за дух в этом теле, отвечай!

– Дух-х... – сипло ответил совсем другой, незнакомый, не шамана голос. – Здес-сь...

– Ты видел детей, здешний дух?

– Ви-иде-ел... – просипел некто, вошедший в тело шамана.

– Где они сейчас?

– Забра-ал...

– Кто забрал? – не выдержал Ломаный Клык. – Их сожрал тигр? Они утонули?

– Не-е-ет... – слабо шевелясь, ответили губы шамана.

– Подожди, – отодвинул охотника Белый Камень. – Духов нужно спрашивать проще. Скажи, детей схватил тигр?

– Не-е-ет...

– Они утонули?

– Не-е-ет...

– Они живы?

– Да-а-а-а...

– Где они сейчас?

– Забра-ал...

– Кто забрал, куда?

– Забра-ал...

– Кто забрал? Куда? – нетерпеливо повторил вопрос Белый Камень.

– Я-а-а-а... – выдохнули губы, и шаман перестал биться в конвульсиях.

Чужой Голос перекатился на живот, приподнялся на четвереньки, тряхнул головой. Дополз до воды и опустил лицо в воду. Поднял, пополоскал рот, сплюнул в сторону, опустил снова. Поднял, откинулся, сел на камни:

– Кто-то приходил? Здесь были духи?

– Да, – кивнул Белый Камень. – Дух сказал, что тигр не тронул детей, что они не утонули и живы до сих пор. Но кто-то их забрал... Дух сказал: «Я».

– Значит, он и забрал, – устало потер виски шаман. – Теперь понятно, куда они пропали и почему нет следов. Духи забрали их к себе, в свой мир. Забрали живыми, не причиняя боли и не убивая. Детям сейчас хорошо. Может быть, когда-нибудь мы их даже увидим. Но сейчас их нет. Их забрали духи.

– Вот как... – Белый Камень надолго задумался, потом медленно кивнул: – Хорошо хоть, они все-таки живы. Но в мир духов у нас пути нет. Горько мне, но придется возвращаться без них. Мне жаль, Клык. Жаль, Рык. Надеюсь, духи будут милостивы к ним в своих землях. Спускайте лодки, братья. Плыдем домой.

* * *

Пыхтун же в эти мгновения и не вспоминал об оставшихся где-то далеко за лесами соплеменниках. Он искал место для трутной ямы. Ведь добывать огонь с помощью трения – очень трудно, даже в сухие дни не всегда получается. В сырую погоду – невозможно вообще. Поэтому огонь лучше не разжигать, а хранить. Самый лучший способ – в сухих ямках, набитых пересохшей трухлявой древесиной или трутом с березовых древесных грибов и слегка присыпанных от лишнего воздуха. Яма размером с человеческую голову способна тлеть почти два дня. В любой момент ее можно разрыть и раздуть огонь. Или досыпать свежего трута взамен истлевшего. Но она должна быть обязательно сухой, сухой в любой ливень. Если в яму затечет вода – все погаснет.

Дома люди делают такие ямы возле очага, на возвышении. Но в доме не бывает дождей. В лесу же сухое место найти весьма не просто. В низинах земля сырая просто всегда, на возгорках – в дождь по склонам течет вода и заполняет любые ямки. Причем в песке ни защитной канавы, ни бортика не сделать – влага все равно просочится. Поэтому в первую очередь паренек пошел на вершину холма. Туда, куда вода не способна стечь никаким образом. Увы, именно вершину облюбовали для себя могучие темные ели, которые, как известно, сухости не любят. На всякий случай Пыхтун все же копнул опавшую хвою, но под ней, как и ожидал, наткнулся на чуть влажный дерн.

– Здесь ямы не вырыть, – разочарованно вздохнул паренек, пробираясь между тяжелыми лапами, вышел на обратный склон и замер, увидев просто сказочное зрелище: молодую сосну,

сломавшуюся на высоте его роста. Такое в лесу случается часто, особенно после зим с оттепелями: влажный снег налипает на высокую крону дерева, подмерзает, налипает снова и оказывается столь тяжел, что сперва сгибает дерево, а потом и ломает его. Только на здешнем холмике таких ломаных сосен было больше десяти. Но эта – лежала на почти ровном участке на вершине холма и не отломалась от высокого пня, удерживаясь комлем на толстом куске дерева.

– Дом! Это же готовый дом! – пробормотал Пыхтун и поднял взгляд на небо.

Оно оставалось безмятежно-голубым. Но рано или поздно зной неминуемо закончится, Мудрый Бобр проснется и начнутся дожди. К этому времени было бы неплохо иметь укрытие от непогоды. Паренек покрутился на месте и побежал назад:

– Снежана! Снежана, собирайся! Я нашел нам дом!

– Ты где, Пыхтун?! – из-за елей закричала в ответ девочка. – Иди сюда! Принеси мне лопухов, мне не в чем готовить!

– Это ты сюда иди, я такое место...

Тут паренек спохватился, что его спутница совсем не ходок, и замолчал. Вернулся под сломанную сосну, разворошил хвою. Песок снизу был, понятное дело, влажный. Но это ведь под хвоей! На воздухе, на солнце высохнет быстро. Пыхтун раскидал в стороны мох и мусор на два шага в ширину и десять в длину и громко ответил:

– Иду!

– Ну, ты где? – обиженно спросила девочка, когда он прибежал к костру. – У меня уже полдня в животе урчит! Листья лопуха нужны, чтобы корни запечь.

– Сейчас! Сейчас принесу. – Мельком глянув на ее белую распухшую ногу, Пыхтун бегом промчался вниз по склону, в траве на прогалинах между осинами надрал крупных лопухов, поднялся наверх: – Держи!

– Наконец-то! – Снежана уже успела расчистить песок и сделать небольшую выемку. Теперь девочка застелила ее листьями, чтобы не пачкать еду, на них в три ряда выложила корни рогоза, сверху опять же закрыла еду листьями, насыпала тонкий слой песка, палочкой нагребла сверху угли из кострища, добавила дров. – Скоро готово будет, Пыхтун. Далеко не уходи.

– Я рядом... – Паренек быстрым шагом обогнул ельничек, хорошенько перевернул подсохший сверху песок под сосной, руками вырыл ямку ближе к кроне. Теперь опять следовало немного подождать, и он отправился в новый обход своих ближних владений, собирая валежник. Зверей на облюбованном холме явно не было, а потому мальчик оставил свое новенькое копые возле Снежаны, и набирал в обе руки полные охапки хвороста, восхищаясь здешним изобилием.

Богатый лес! Не то что возле деревни, где даже тяжеленные сухостоины – в радость.

К тому времени, когда возле будущего дома лежала целая гора толстых сухих сучьев, под костром как раз поспели корешки. Маленькая стряпуха не подкачала – угощение и не подгорело, и хорошо пропеклось.

– Ты просто молодец! Настоящая хозяйка! Никогда еще не пробовал такой вкуснятины! – похвалил ее Пыхтун, уплетая сладкие и плотные корешки, пахнущие дымом и прошлогодней листвой.

– Это меня мама научила, – зарделась Снежана. – Если спеть песню про весну столько раз, сколько пальцев на руках, корни как раз как надо запекаются. Ой, как тут хорошо! Тепло, спать хочется...

Впервые за последние три дня дети наелись досыта, и у Пыхтуна тоже начали слипаться глаза. Но он не мог позволить себе сна. У него, как мужчины, имелось еще очень, очень много неотложных дел.

Паренек подхватил с земли из кучки полукруглый кремневый скребок и побежал к озеру. Крепким острым инструментом работать было легко и приятно. Пыхтун с удивившей его самой скоростью нарезал охапку камыша, вернулся на холм. Опустил возле девочки:

– Чего не спишь? Чужой Голос сказывал, хвори во сне быстрее всего уходят.

– Пить очень хочется. Хотела спуститься, а нога не идет, – пожаловалась Снежана. – Не болит, я и забыла.

– Сейчас принесу, – кивнул паренек. – Слушай, раз уж ты не спишь, может, сплетишь тонкую циновку? Трутнюю яму закрывать.

– Давай, – малышка потянула к себе из охапки верхние стебли. – А чего кисточки не оторвал?

– Неудобно в воде. Вот, возьми... – Он выбрал из кучи колотого кремня небольшой осколок с острой гранью. – Сама срежай, где нужно. Я сейчас еще немного принесу, раз уж все равно за водой идти...

В этот раз Пыхтун шел к Воде Заката медленно, внимательно глядя по сторонам. Он помнил, что где-то недалеко от тропинки видел краем глаза плотный пучок зеленых зонтиков, но поначалу не придавал значения находке. Дудник – трава привычная, чего на него внимание обращать?

– А-а, вот ты где! – Паренек свернул, острой гранью скребка отсек отростки с соцветием, потом аккуратно подрезал у корня. Дунул внутрь хрупкого трубчатого стебля: – Не ковш, конечно, но воду набрать можно.

И Пыхтун бегом помчался на берег.

Плести циновку из длинных камышин – дело несложное. Складываешь стебли бок о бок, потом протягиваешь другие стебли поперек, переплетая с основной. Главное – пристукивать не забывать, чтобы плотнее лежали. Пока Пыхтун ходил к озеру, Снежана успела уже сделать плетенку почти в локоть шириной. Он только брови удивленно приподнял, подавая ей стебель с водой:

– Ловко у тебя получается!

Девочка гордо кивнула, в несколько глотков осушила длинную, но тонкую емкость:

– Так мало?

– Сколько влезло, столько и набрал. Сейчас еще принесу.

– Я вот подумала, может, нам ею укрыться? – тряхнула сплетенным куском Снежана. – А то холодно ночью. Я до темноты успею. Ты для тепла чего-нибудь найдешь?

– Попробую.

– Только воды сперва принеси!

Чтобы напоить девчонку, к озеру пришлось бегать четыре раза. Потом Пыхтун перенес с помощью двух палок в будущую трутневую яму нагоревшие угли, накидал сверху валежника: пока прогорит, песок от последней влаги как раз избавится. Пересадил на новое место Снежану, сбегал в осинник за трухлявым сухостоем, а после этого – вернулся по берегу к болоту, мимо которого вчера протаскивал свою спутницу, надрал там верхнего, почти совсем сухого, легкого и мягкого мха, за несколько ходок принес на холм изрядную кучу...

Пыхтун так увлекся работой, что напрочь забыл про изготовленное утром копые. Оно так и осталось стоять у сосны. К счастью, нужды в оружии за весь день так и не возникло.

Вечером дети подкрепились печеными корнями, а потом долго сидели у догорающего костра, глядя в усыпанное сверкающими звездами небо.

– Что же нас так долго найти не могут, Пыхтун? – вздохнула девочка. – Так ведь мы совсем пропадем.

– Унесло далеко. Так сразу и не выследишь, – ответил он. – Давай ложиться спать. Может, утром они будут уже здесь. Давай я помогу...

Он перенес Снежану на песок под ствол, сделав ей под бедро и под плечо небольшие ямки, накрыл ее огромной, втрое больше, чем нужно, циновкой, сверху заложил всю циновку толстым слоем мха. Выбрал в костре несколько самых крупных углей, перекинул их в ямку, на слой нагоревшей дном золы, засыпал сухой трухой, добавив для страховки пару трутне-

вых грибов, накрыл корой и запорошил песком, оставив только маленькую дырочку для дыма. Постоял, прислушиваясь к доносящемуся откуда-то издалека голодному вою – и только тут спохватившись, сбегал за копьём, положил в изголовье. Постоял еще немного – оглядываясь, вспоминая.

– Кажется, сделал все как надо, – наконец решил маленький мужчина и осторожно, стараясь не рассыпать мох, ногами вперед влез под циновку.

Жесткие стебли камышей царапались и кололись. Но не так сильно, чтобы причинять боль. Зато здесь, в простеньком укрытии, было тепло, уютно пахло дымком. Еще бы крышу над головой соорудить – и будет совсем, как дома. Усталый Пыхтун закрыл глаза и мгновенно провалился в сон.

Дом

Рано утром, с первыми рассветными лучами, Пыхтун подпрыгнул, на четвереньках добежал до трутной ямы, скинул кору с песком, ткнул палкой в дымящиеся среди золы дырочки, поворошил в них берестой, подул... И белесая ленточка тут же полыхнула ярким пламенем!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.